

Моргунов моргнул и не удержал смешок носом.

— Ты говоришь мне, что ты Изначальная? Ты серьёзно вообще?

— Хотя бы слух тебя не подводит.

Его детектор дичи почти взрывался от того, что ему втирали, но он придержал его новым смешком, в этот раз погромче.

— Ладно, дамочка. Считай, будто я поверил. Ну и что же ты за Изначальная, а?

— Это не имеет значения. Твоё понимание нас настолько поверхностно, что моё истинное имя либо ничего не будет значить для тебя, либо создаст ложное впечатление.

— М-м. Значит, не одна из знаменитых, да? Не хочешь засмущаться, когда сбросишь своё большое, страшное имя, а я его даже не узнаю. Понимаю, понимаю. Вообще, так я тебе даже больше верю.

— Как и сказала, тобой движет невежество.

— Ну так что, ты вроде злой сестры Кокоры или тип того? Ну, той, про которую все забыли. Какая жалость. С монстром по имени Зависть непросто танцевать. Я тебя отлично понимаю.

Моргунов заметил свет краем глаза и понял, что исходил тот от Асада. От его торса, если быть точнее.

— Сестра, — прозвучал другой голос, в этот раз мужской. — Грубость ни к чему не приводит. В конце концов, этот импульсивный человек оказал нам услугу, не считаешь ли ты иначе?

— А это кто? — спросил Моргунов, чувствуя всё больше любопытства.

— Расаласэд. Встреча с тобой интересна мне, Юный Демон Избавления.

— О, так это ты! Наконец-то! Непросто же до тебя достучаться!

— Да, непросто.

— У меня для Вас множество вопросов, почтенный господин.

— И у меня для тебя.

— О как? Интригует. Но, эм, секундочку. Эта злобная дамочка правда твоя сестра?

— Нет, — сказала она.

— Да, — сказал он.

— Угу, — прогудел Моргунов. — Всё вдруг стало прозрачно как стёклышко.

— У нас сложные отношения.

— У меня таких тоже хватает. Но, насколько знаю, Вы не Изначальный, господин Сальный Сэд. Пары-тройки тысяч годков для этого не хватает.

— Истинно так. Но родство глубже и обширнее всех мировых океанов вместе взятых.

— А-а-а, понятно. Звучит так, будто кто-то принимает желаемое за действительное, но не скажу, что мне такое не нравится! Мечтательные размышления были одной из твоих самых очаровательных черт при жизни, поэтому я рад, что они не покинули тебя за пеленой лет!

— Хм-м? Ты говоришь так, будто уже встречал меня.

— Да? — Моргунов быстро прошёлся по воспоминаниям. — О, и вправду. Мой жнец встречал тебя пару раз. Может, ты помнишь его. Булом зовут.

— А. Знакомое имя. Но в то же время нет. Возможно, я вспомню. Возможно, нет.

— М-гм. Знаю это чувство. Но не беспокойся. Конечно, Бул немного обижается, когда его забывают, но я не позволю ему сказать ничего обидного. Он временами та ещё королева драмы. Моему жнецу стоит научиться расслабляться.

— Мне знакомы схожие трудности.

— Хе-хе-хе. — Моргунов невольно улыбнулся. — Ладно, ладно. Должен признать, что как бы ни хотелось поспрашивать тебя о всяком, мне офигенно интересно услышать, что ты хотел спросить. Особенно из-за того, что я представлял тебя более высокомерным и агрессивным – вот как твоя якобы сестра. А ты, вдруг оказалось, настоящий джентльмен! Даже пока ни разу не назвал меня невежественным дураком!

— Я всегда считал, что капелька вежливости может многое дать даже с варварскими дворняжками вроде тебя.

— Чувствуется мне, что ты не до конца понял суть, но ёжкин кот, как же я поддерживаю это мнение! Так что продолжай, продолжай! Что ты хотел спросить? Я должен знать, в чём со мной хочет проконсультироваться аж бог!

— Ты позволяешь мне начать первым? Благодарю. По правде говоря, вопросов у меня несколько. Для начала я бы хотел узнать твои намерения насчёт нынешнего Льва.

— О, волнуешься за него? Хотя это естественно. — Моргунов замолчал на полсекунды. — Хотя почему естественно? Скорее удивительно. Тебя правда волнует судьба Львёнка? Или ты спрашиваешь просто из чувства долга?

— Конечно волнует. Как можешь ты думать иначе?

— Ох, да ладно. Ты же теперь бог, разве нет? Наши смертные дрызги явно слишком низко стоят для тебя! Картина целиком должна волновать тебя больше! Ну, те самые штуки, на которые мы, в нашем плане существования, едва можем взглянуть, не говоря об их понимании. Понимаешь, да?

Расаласэд не ответил.

Неужели он случайно попал прямо в яблочко? По правде говоря, его язык просто выдавал всё, что придёт в голову. Обычно таким образом он находил только способы разозлить людей.

Ха-ха-ха. Видимо у этого «Сухого Бога» скрывалось больше сюрпризов, чем он надеялся.

Всё ещё безымянная сестра вклинилась снова:

— Ты не станешь вредить Асаду Наджиру больше, чем навредил уже, Маленький Дурак.

Моргунов хихикнул:

— О-о-о, звучит как угроза. Восхищаюсь твоей уверенностью. Если только это не высокомерие, конечно. Хе-хе-хе.

Это была музыка для ушей. Хотя дамочка почти наверняка лгала, чтобы напугать его, будет просто идеально, если она говорила правду.

Суть в том, что ему не требовался питомец-бог вроде Расаласэда. Вежливый божок-другок в начальной стадии? Нет-нет-нет. Требовался кто-нибудь грубый. Эгоистичный.

Кто-нибудь, чей дух он будет крушить с большим удовольствием.

Потому что, после того как всё это будет сделано, вежливости и дружелюбности он сможет научить. Вообще, вот тогда и начнётся самая весёлая часть.

Но она, увы, не ответила. Видимо, несмотря на грубость, старалась осторожничать со словами.

Моргунов надеялся, что это не так. Иначе будет скучно.

Вместо неё следующим заговорил Расаласэд:

— Если навредишь Льву сильнее, то мы не станем помогать в том, чего ты желаешь.

— Можно посмотреть на это и так, да, но я могу предложить другую перспективу: если не станете помогать, то вашему песочному мальчишке не очень понравится у меня в гостях.

— Так или иначе, результат будет тем же, — сказал Расаласэд. — Ты должен оставить его в покое. На самом деле, если отпустишь их со жнецом сейчас, это будет к лучшему.

Моргунов прикусил губу.

— Ну не зна-аю... это довольно большая просьба.

На самом деле большой она не была. Ни Асад, ни Корвас ему больше не требовались, но боженькам этого знать не обязательно.

К тому же ему всегда нравилось оставлять открытой дверь бессмысленного убийства. Никогда не знаешь, когда могут пригодиться жертвы. Заложники? Груши для битья? Лабораторные крысы для глупых экспериментов? В его арсенале всегда хватало способов сделать полезными изжившие себя субъекты. Для экологии важно не выбрасывать то, что ещё можно использовать!

— Я в это не верю, — сказала сестра. — Ты встретил нас, больше они тебе не нужны.

Твою мать.

— Ты этого не знаешь. У меня на них выстроены очень большие планы. К тому же тот факт, что их судьба так заботит вас – мой рычаг. Поэтому, если хотите, чтобы они освободились целиком, а не по частям, то нам стоит заключить какое-нибудь соглашение, не знаю. Я довольно резонный человек, что бы вы там ни слышали обо мне.

— Снова ложь. Ты держишь слово, только когда это выгодно тебе. Из-за уверенности в себе ты не видишь никаких проблем в предательстве. Любое соглашение с тобой не будет нести ни

веса, ни смысла.

— Как же ты жестока. А я, вообще-то, держу слово по множеству других причин, помимо выгоды. Иногда это забавно, например. Ну, видели бы вы удивлённые лица, они того стоят. А, чёрт, временами я держу его, потому что я реально сумасшедший. Вот скажи, чего выгодного в том, чтобы гнаться за кем-то по всему Элегу на протяжении десятилетий? М-м? Нет, выгодно было бы простить и забыть! Но нет! Если я сказал, что убью кого-то, то сделаю это, сколько бы времени и сил ни пришлось потратить! — Он приостановился. — Если, может быть, они не придумают какой-нибудь очень хороший способ извиниться. Тогда я могу передумать. Но это не то же самое, что не держать слово. Это просто создание нового слова!

— Ты лжёшь даже себе. Рациональность под маской резонности. Ты не понимаешь, когда другие видят тебя насквозь, потому что сам не способен на это.

— С тобой, знаешь ли, не очень весело разговаривать.

— Испорченным детям редко нравится, когда их ругают.

Он шмыгнул.

— А что насчёт Вас, достопочтенный Салат? Как тебе идея заключить со мной сделку?

— К несчастью, — ответил Расаласэд, — я считаю, что моя сестра права. Не каждый достоин доверия.

— Ох, прямо ножом по сердцу!

— Однако, если твоя часть сделки будет исполнена первой, то надёжность перестанет быть фактором.

— О? Хм-м. Но это будет означать, что я откроюсь предательству с вашей стороны.

— Да, будет. Но такова цена плохой репутации. Возможно, проживи ты жизнь более праведную, тебе бы достались и её привилегии.

— М-м, я одновременно и презираю, и сомневаюсь в этих словах. Люди слишком недоверчивы в целом, чтобы возлагать хоть на кого-то надежды без особых на то причин. — Он пожал плечами. — Но как бы там ни было, давай я сначала услышу, что ещё ты хотел спросить. Мне так кажется, что жизни Асада и Корваса пока могут полежать на столе переговоров.

— Хорошо. Тогда я желаю спросить о твоих экспериментах с другими реальностями. Доводилось ли тебе их посещать?

Моргунов прикусил губу, размышляя. Вот теперь орешек попался твёрдый.

— Посещать? Хм... хм-хм. А что считается за посещение? Потому что в своё время я немало путешествовал между мирами, но всё это было скорее... «странствием духа», а не тела.

— Понимаю. Значит, твоя физическая форма всегда оставалась здесь, в этой реальности?

— Верно. Я знаю парня, получившего более глубокий опыт, как раз вроде погружения целиком, но увы, он слишком меня боится и сбегает раньше, чем я успеваю с ним нормально поговорить. Та ещё скользкая козявка.

— Иными словами, твой опыт достаточно ограничен?

— Можно и так сказать. Хотя это интересная для меня тема, к которой я давненько не возвращался. Некоторые вещи мне нравится оставлять на потом, понимаешь меня, да? Всегда нужно держать в очереди один-два проекта, на тот случай, если внезапно закончишь нынешний. И позволь мне признаться: я, блин, просто ненавижу, когда у меня нет никаких интересных занятий. Начинаю ёрзать, а когда я ёрзаю, то частенько психую. Вообще, Бул из-за этого всё время пытался сделать так, чтобы мне было нечего делать – он-то любит, когда я выхожу в мир и терроризирую народ. Но уже давненько этого не делал, наверное, потому что сейчас у меня целая куча запасных проектов. Так что шансов прижать меня бездельем у него пока нет.

— Но ты посещал иные реальности, пусть только в качестве ментальной проекции, — сказал Расаласэд.

— Ага. Думаю, примерно так же, как вы сейчас. У вас ведь больше нет этих мягких, телесных форм? Вы, как заявляют некоторые древние истории, «вознеслись за порог необходимости в них», да?

— Да, мы покинули их ещё очень давно, — сказала сестра.

— Хм-м-м-м. Даже интересно, правда ли это. Наверняка, очень удобно, когда все в это верят, верно? Мысль о том, что вы теперь совершенно неприкасаемые существа, неуязвимые для физического контакта. Так явно не приходится бояться, что какой-нибудь маньяк вобьёт себе в голову, что можно найти ваши маленькие, мясные тельца и взять их в плен. Или убить. Или ещё как-нибудь использовать против вас. Да?

— Веришь ты мне или нет, не имеет значения.

— Хе-хе-хе. Какая отчуждённость!

— Скажи мне, — вмешался Расаласэд, — в своих странствиях по другим реальностям слышал

ли ты о месте, несущем название Сахаразим?

Великая Пустыня?

Интересно. Моргунову пришлось задуматься. Да, он много реальностей видел помимо этой, особенно во время того маленького происшествия в Белвиле. Но даже сейчас многое из того, что он тогда увидел, ощущалось туманным и непонятным, едва ли не горячечным бредом.

В последующие годы он много времени потратил, пытаясь разобраться во всей этой информации, но успех было немного стыдно называть хотя бы поверхностным. По большей части он просто записывал всё, что мог вспомнить, а потом пытался интерпретировать этот беспорядок. Идеи, эмоции, видения, чувства, имена и места.

Безграничный океан, как ему тогда казалось. Великая и обширная Пустота.

Один из самых лучших опытов его жизни, по правде говоря. Но, оглядываясь назад, совершенно непонятный. А он презирал всё непонятное.

Одно дело загадки. Узнавать секреты, раскрывать правду – это чудесно. Но просто путаться и ничего не понимать? Нет. Совсем наоборот.

Название, по крайней мере, казалось ему знакомым. Нужно было только вспомнить, тогда он его услышал или просто где-то прочитал.

Помощь Була в этом деле – самое то. Хе-хе-хе. Жнец не был так полезен целые эпохи. Это напомнило ему о старых, невинных временах, когда он полагался на этого бесплотного духа почти во всём.

А, вот и оно.

Да.

Сахаразим. Он и вправду услышал это название в Белвиле.

Тогда у него был лишь взгляд, но сейчас, с контекстом интереса Расаласэда в этом месте, возможно, он мог понять больше.

Хм-м. В паре с этим взглядом были эмоции и ощущения. Стремление. Удовлетворение. Голод. Гордость. Но больше всего жажда.

А ещё изображение.

Просторные, золотые холмы – но не только песок. Ещё и великие колонны.

Из кварца, если он не ошибался.

Похожие на то, что ему недавно показала Яма.

О-о-о. Моргунову пришлось признать, что это несколько тревожило. То видение определённо было предупреждением, и вот он видел его снова, только в этот раз без торопящей Ямы.

— Да, — наконец ответил он. — Я слышал это название. Но почему оно интересно тебе?

Он и так мог догадаться, но зачем гадать, когда можно спросить?

— Я ищу арасабу, — ответил Сухой Бог.

Моргунов моргнул.

— О! Ваши мифические звери-львы! Ты реально в них веришь? Не то что твой потомок, у него я тоже на их счёт спрашивал.

— Это не вопрос веры. В реальностях за пределами этой есть всё, чего нет. Невозможное сотворено возможным. Но ты и сам это знаешь.

— Хе-хе, да, слыхал. Хотя боюсь, что отношусь к этому немножечко скептически. Только Пустота может владеть такой безграничной силой, какую описываешь ты. А другие реальности исходят не из Пустоты.

— Не совсем. Те, в которых живут души, принадлежат Бесконечному Течению, что в твоём понимании есть аспект Пустоты, верно?

Вот уж термин, какого он давно не слышал.

— Бесконечное Течение...

Моргунов провёл рукой по негустой бороде, задумавшись.

У Пустоты, предположительно, много аспектов. Больше, чем можно понять, скорее всего. И уж точно больше, чем имеет смысл знать. Такое ожидаемо, когда пытаешься концептуализировать бесконечную бесконечность того, чего нет.

Но два наиболее известных аспекта – это Хаос и Бесконечное Течение.

Хаос – узел всех творческих мыслей, возможно, всего творчества вообще. Теоретическая реальность беспорядка, безумия, гениальности, и каждой возможной мысли.

Любимый аспект Моргунова, так уж вышло.

Но Бесконечное Течение – это немного другое. Великая Река Душ, как его ещё называли.

Оно должно быть одновременно и источником всех душ, и их финальной остановкой, именно там обитают все души и рвение – которые, возможно, представляют одно и то же. Течение, теоретически, связывает бессчётные реальности, поддерживающие жизнь – и даже больше. Многие учёные на протяжении истории верили, что когда жнец относит души павших, то в какой-то момент Великая Река приносит их обратно в этот мир – или, по крайней мере, энергию, из которой они состояли.

Бесконечный поток мыслительной мощи. Непостижимой в своей силе и потенциале.

Поэтому Моргунов понимал, на что намекал Расаласэд.

Древние, мифические звери сэндродов могут существовать в одной из реальностей того, чего нет. Теоретически. А значит, кто-то мог бы попытаться добраться по Бесконечному Течению до этого места и встретить их.

По-настоящему безумный план, опасный просто до абсурда. Бесконечное Течение, если оно правда существует, не будет спокойной рекой, текущей вдоль красивых пейзажей. Это же теоретический предел, несравнимая мощь энергии душ и рвения. Чтобы выдержать путь через неё, пока со всех сторон твою собственную душу уничтожает такая мощь?..

Моргунов не был уверен, что может представить хоть что-то более невозможное. Но, пожалуй, именно невозможные поступки достойны времени бога.

Нужно было узнать больше.

— А зачем тебе арасабы? — спросил Моргунов.

— Я верю, что они могут быть прародителями моего рода. И если так, то должен узнать о них больше.

— А-а-а. Так ты хочешь их силу.

— Возможно, да. Возможно, нет.

Моргунов фыркнул, затем засмеялся:

— Ага, уверен, твой интерес в них исключительно академический! Прямо как мой!

— Если арасабы знают природу происхождения моего рода, то могут знать и откуда произошло всё человечество.

Моргунов наклонил голову.

— Могут. Но в чём, собственно, тайна? Если твоя сестра, как она заявляет, Изначальная, то у неё должно быть полно всяких сочных ответов на подобные вопросы, нет?

— Даже если так, я бы не хотел услышать их от неё. Однажды наступает период, когда больше нельзя полагаться на знания и опыт других, чтобы продолжать развиваться. Приходится искать истину самому.

Моргунов невольно улыбнулся.

— Ох, ну ты и сердцеед! Ещё чуть-чуть – и я прыгну тебе в объятия!

— А каковы твои планы? Ты желал встретить Изначального, верно? Что ты будешь делать теперь, когда эта цель исполнена?

Моргунов захихикал:

— Ну как-то я не уверен, что правда достиг цели. Мне бы какое-нибудь доказательство, что твоя сестрёнка одна из них. У вас есть такое?

— Даже если есть, — сказала сестра, — с чего вдруг мне его предоставлять? Твоё удовлетворение не имеет для меня значения.

— Ой, да ладно тебе, не жадничай. Ты же хочешь, чтобы Львёнок дышал и дальше, а? Я бы сказал, это достойная причина для сотрудничества.

— Тебе стоит больше беспокоиться о собственном дыхании. Не веди себя так, будто всё под твоим контролем, когда это не так.

Ага. Ну наконец-то они подходили к делу. Моргунов всё ждал, когда боженьки начнут показывать зубы.

С самого начала разговора он посылал мысли Робертам. Сотни из них были раскиданы повсюду вокруг, они патрулировали территорию и передавали информацию посредством сети биочипов в его мозгах.

Некоторых из них он позвал ближе, и сейчас они были над кузней, под ней, и во всех остальных направлениях, готовились прорваться через пол, потолок, и стены в то же мгновение, как он отдаст им приказ.

— Надеюсь, ты не только лаешь, но и кусаться умеешь, — сказал Моргунов. — Я, всё-таки, обмотал тебя в этих татуировках вокруг себя как злобную маленькую верёвку, так что давай. Если считаешь, что можешь хоть что-то со мной сделать, то делай уже!

— Давайте не будем... — попытался Расаласэд.

Но весь мир стал белым.

Всё его тело сдавило сокрушающее давление, особенно голову. Он чувствовал желание за ним. Жажду превратить его в пыль. Поставить на место.

И это определённо было больно. Моргунов не стал бы отрицать. Он ощутил, как Бул захотел убрать боль, но остановил жнеца. Хе-хе. Только из-за того, что он дал ему немного свободы для разнообразия, ещё не означало, что теперь можно своевольничать.

Потому что боль – штука интересная. Уже давно она стала большой редкостью. Было время, конечно, когда он очень боялся её и пытался избегать любой ценой. Но на протяжении лет, пока разум старел и взрослел, а главным врагом становилась скука, к боли развилось нечто вроде ностальгии.

Это тоже важная часть человечности, как он начал верить. Те редкие души, неспособные её чувствовать, многое теряли.

Существовала вера, будто те, кто познал боль, менее склонны причинять её другим. И по опыту Моргунова, это было правдой.

Такой же правдой, как и то, что познавшие боль знают, как сделать другим больнее всего. А вот отсюда и начиналось настоящее насилие.

Знания – такая забавная штука. Столько людей на протяжении истории могли часами рассказывать о колоссальных преимуществах образования, грамотного населения, и о том, как знания в любых формах боролись с невежеством в мире. А Моргунов, чем больше жил, тем больше убеждался, что без знаний не было бы и зла.

Нельзя сделать кому-то больно, если ты не знаешь, как это сделать.

И, возможно, в схожем отношении знания не могли родиться без зла. По крайней мере, чем выше уровень образования, тем больше зла можно причинить.

Конечно, на самом деле всё гораздо сложнее, но временами было очень здорово опуститься до упрощенных терминов. Не раз он видел, как умные люди терялись в своих слишком сложных идеях настолько, что переставали видеть очевидное. Он не хотел становиться таким же, как они.

Именно поэтому атака этой так называемой «Изначальной» была ему настолько интересна. Самый простой подход. Обычное желание сделать больно. Это явно было испытанием. Проверкой того, сколько он может выдержать. А получив ответ, она явно попробует что-нибудь более продвинутое.

Не повезло ей выбрать такой плохой вариант для своей первой попытки. Хотя Моргунов не был уверен, что его следующий приём, сработавший до этого на многих сильных телепатов, сработает на неё, но у него было хорошее такое ощущение, что через секунду весело ей уже не будет.

Через секунду, потому что он хотел насладиться болью ещё чуть-чуть. М-м-м.

Ну ладно, достаточно.

Он сосредоточился.

Как и со многими вещами в этом мире, суть была в том, что сначала шёл разум, и только потом материя. Отточенный контроль на протяжении многих лет медитации. Конечно, типичная медитация, которую жнецы требовали от своих слуг, для него была слишком скучной, поэтому он начал искать другие методы, чтобы разнообразить опыт, и потому позже с удовольствием ушёл в подходящую ему медитацию на много десятилетий.

Главная проблема телепатов в том, что очень часто они оказывались слишком самоуверенными. Вероятно из-за того, что связывали со своими способностями большой интеллект – а не было в мире, наверное, ничего настолько же опьяняющего, как чувство собственного интеллектуального превосходства.

Но Моргунов постепенно пришёл к выводам, что телепатические способности и интеллект на самом деле напрямую не связаны. Например, телепаты никогда не понимали, что выстраивая мост между своим разумом и чужим, они создавали путь для обратного сигнала.

А что было для них ещё хуже, так это возможность усилить этот сигнал. Прямо как с микрофоном: звук можно поймать, сделать сильнее, и отправить обратно. Что, в свою очередь, создаст петлю нарастающей мощи, увеличивающую сигнал снова и снова, пока синапсы мозга не зажарятся.

Конечно, это было довольно опасно и для его стороны тоже. Резкое усиление сигнала будет ощущаться как раскалывающая голову боль, к которой вскоре присоединятся ножи, бьющие прямо по мозгам, и наконец взорванный в клочья череп. По ощущениям. Если, конечно, телепат не успеет вовремя понять, что происходит, и не закроет связь, что они обычно делали.

Так что это был вопрос чистой физической выносливости. И как слуга с большим объёмом защиты души на своей стороне, Моргунов обычно выходил победителем из таких обменов.

Он, правда, не был уверен в том, как справится дамочка, называющая себя Изначальной, но собирался узнать.

Обратная связь была довольно простой техникой. Ну, по крайней мере, после нескольких лет практики. Нужно было всего лишь освободить разум от всех мыслей – стоило признать, что это не было его сильной стороной – а затем, сохраняя эту пустоту, найти, откуда следовал сигнал.

Он обнаружил, что проще всего было представить, как эта пустота заполняется бензином. И потом найти, откуда он льётся. Разрыв в концепте.

А там уже оставалось только представить вспышку, и как всё топливо взрывается, отправляя пламя обратно к источнику.

О, оно уже работало. Он почувствовал, как головная боль нахлынула. О-о-о, блин, и неплохо так нахлынула.

Такую боль было невозможно убрать, потому что в физических ощущениях она не останавливалась. Половина разума Була будет чувствовать её так же, как чувствовала его, если не больше – почему жнецу никогда и не нравилось использовать эту технику.

Пока боль усиливалась, он не мог не задуматься о риске. Сможет ли богиня его переплюнуть? Выдержат ли боль лучше него? Что ж, вскоре он должен был узнать.

Угх. Даже для него такой уровень боли был слишком... болезненным. Больше наслаждаться не получалось. Она дезориентировала. Даже стала мучительной.

А потом пропала. Разум расслабился. Фух.

Она отступила.

— Забавный приём, — сказала сестра. — Но тебе потребуется нечто большее, маленький дурак.

Хм. Не сработало, значит? Вряд ли. Она бы не прекратила атаку, если бы эффекта не было. Видимо, просто храбрилась, пытаясь сохранить лицо.

Хорошо. Ему не хотелось, чтобы это слишком...

Что-то ещё зацепило его внимание. Внезапный поток информации от Робертов по западному краю территорий. Они автоматически вступили в бой.

Вторжение.

— Ого-ого! — сказала сестра, внезапно довольная. — Наконец-то заметил?! Правда в том, что я действительно почти ничего не могу сделать с тобой на таком расстоянии. Но отвлечь внимание не трудно.

Он почувствовал раздражение.

А потом по земле прошла волна дрожи, сбившая пыль с потолка. Нужно было принять решение. Есть ли смысл отправляться навстречу вторжению самому? Роберты могли справиться почти с чем угодно. Так кто же?..

— Прошу прощения за обман, — сказал Расаласэд. — Я правда надеюсь, что ты умрёшь не сегодня, Юный Демон. Я бы ещё о многом хотел с тобой поговорить.

— Возможно, эти новые оппоненты покажутся тебе интересными, — добавила сестра. — Хотя подозреваю, что ты уже достаточно о них знаешь, чтобы начать нервничать.

О чём она?..

Два Роберта сразу отключились. Последовало больше информации. Слишком много. Трудно было изучить её всю сразу. Роберты нахлынули на противников волной. Каждый собирал и отправлял информацию. А ещё атаковал, конечно. Но им требовалась направляющая рука. Более точные и продвинутые приказы.

Опа. Некоторые противники пробились очень глубоко. Уже приближались к пленникам из Авангарда.

А вежливые гости так не поступают.

Он начал отдавать приказы и двигаться навстречу, чтобы перехватить лично.

Но кому, чёрт возьми, удалось так легко пробиться? Конечно, его отвлекли, но ненадолго. Слишком подозрительное совпадение.

И эти силуэты, захваченные камерами.

А.

По крайней мере, один из них он узнал. А от него мог догадаться об остальных.

Впрочем, тот, который он узнал, был самой большой проблемой. Об этом проклятом существе он пытался узнать ещё со встречи в Белвиле. Почти весь тот бой сейчас был укрыт размытой пеленой воспоминаний, но даже так оно оказало на него достаточное впечатление, чтобы не забывать никогда.

Грёбаная псина.

.

Редактор: akkunin

<http://tl.rulate.ru/book/1701/2966147>